

знаний о социогуманитарной реальности, характерная для времени формирования социокультурной антропологии, может стать надёжным методологическим фундаментом для возврата к планомерному выстраиванию целостной картины социальной действительности.

УДК 167 21

Г.Г. Старикова

Харьковский национальный университет радиоэлектроники
к. филос. н., доц. каф. философии, доцент

ИМПЛИЦИТНЫЕ КОМПОНЕНТЫ НАЦИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Статья посвящена феномену национально-языковой картины мира. Особое внимание уделяется имплицитным составляющим национально-языковой картины мира. Рассматриваются теоретические подходы, изучающие национально-культурную специфику и ее отражение в естественном языке. Также анализируются конкретные проявления данной специфики в языковых сенсibilitях.

Ключевые слова: естественный язык, национально-языковая картина мира, имплицитные составляющие языка, языковые сенсibilitи.

Г.Г. Старікова

ІМПЛІЦИТНІ КОМПОНЕНТИ НАЦІОНАЛЬНО-МОВНОЇ КАРТИНИ СВІТУ

Статтю присвячено феномену національно-мовної картини світу. Особливу увагу приділено імпліцитним складовим національно-мовної картини світу. Розглядаються теоретичні підходи до вивчення національно-культурної специфіки та її відображення у природній мові. Також аналізуються конкретні прояви даної специфіки у мовних сенсibilitях.

Ключові слова: природна мова, національно-мовна картина світу, імпліцитні складові мови, мовні сенсibilitі.

G.G. Starikova

IMPLICIT COMPONENTS OF THE NATIONAL-LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

The article is devoted to the phenomenon of the national language picture of the world. Particular attention is paid to the implicit component of the national language picture of the world. Theoretical approaches that study national-cultural specifics and its reflection in natural language are considered. Also, specific manifestations of this specificity in language sensitivities are analyzed.

Key words: natural language, national language picture of the world, implicit components of the language, linguistic sensitivities.

Вступление. Сформировавшийся в конце XX века антропоцентрический подход к языку, истоки которого восходят к идеям В. фон Гумбольдта, предполагает выход за пределы узкорациональной, прагматической трактовки сущности языка и более масштабное осмысление его функций. Язык как вместилище духа народа, как результат

неповторимой рационально-оценочной деятельности определенного этноса может открыться не столько инструментальному, сколько философскому взгляду, способному охватить и осмыслить глубинную духовную сущность национального языка как уникального творения этноса.

Известно при этом, что как общепризнанной теории этноса, так и его общепринятого определения еще не выработано, поэтому в своей работе мы предполагаем опираться на известное определение Л. Гумилева: «Этнос – это коллектив людей, естественно сложившийся на основе оригинального стереотипа поведения, который существует как энергетическая система (структура), который противопоставляет себя всем другим подобным коллективам, исходя из чувства комплиментарности» [1, с. 611]. «Если каждый язык является мировоззрением, то он обязан этим не тому, что он представляет собой определенный тип языка..., а тому, что говорится и, соответственно, передается этим языком» [2, с. 510].

В рамках данной проблематики особое значение приобретает изучение феномена национально-языковой картины мира. **Актуальность** изучения национально-языковой картины мира обусловлена, с одной стороны, возросшим интересом к национально-культурной специфике различных народов, обострившимся в связи с интенсификацией процесса глобализации в современном мире. С другой стороны, большинство работ в этом направлении носили до последнего времени сугубо лингвистический, прикладной характер, теоретической базой оставались концепции и гипотезы прошлого века. Кроме того, практически вне области интересов исследователей оставался важный, но труднодоступный для изучения аспект национально-языковой картины мира – ее неявные предпосылки, неосознаваемые элементы, имплицитные составляющие, являющиеся, на наш взгляд, фундаментальными, базовыми компонентами системы национально-языковой картины мира.

Одна из специфических особенностей человеческого познания заключается в том, что любая поступающая для обработки информация должна обрести вербально-понятийную форму. Вспомним И. Канта: «... ощущения без понятий слепы...» - даже на чувственном уровне человек бессознательно нуждается в понятиях и использует их, не контролируя этот процесс осознанно. А любое понятие – это слово естественного языка со всеми «встроенными» в данный язык имплицитными составляющими, включая бессознательно-эмоциональную окраску слов, заключенное в них оценочное, в том числе нравственное отношение и т.д.

В настоящее время практически отсутствуют исследования, выполненные в русле подобных идей (или воплотившие их в полной мере), главной из которых является следующая: выражение культурно-национальной специфики происходит на всех без исключения уровнях языковой системы. В современной лингвистике осуществляются первые попытки выявить глубинную связь когнитивных структур человеческого сознания с языковыми формами, проследить способ отражения характера познания и восприятия мира в глубинных языковых категориях (ментальных образованиях), принадлежащих сфере бессознательного. На наш взгляд, значительный интерес не только для лингвистики, но и для философии, психологии, когнитологии представляет изучение неявных, неосознаваемых, имплицитных компонентов, присутствующих на всех уровнях языкового бытия и, в частности, весьма ярко проявляющих себя в национально-языковой картине мира. Поэтому **цель** данной работы – проанализировать различные типы имплицитных компонентов, входящих в национально-языковую картину мира.

Национально-языковая картина мира изучалась целым рядом исследователей XX века. Однако начало этой тематике было положено в работах по языкознанию В. фон Гумбольдта. Каждый язык, по Гумбольдту, создает для пользующегося им

народа картину мира, словно очерчивая вокруг него магический круг определенных представлений и образов: «В каждом языке заложено самобытное мировосприятие. Как отдельный звук становится между предметом и человеком, так и весь язык в целом выступает между человеком и влияющей на него природой» [3, с. 80]. Выйти за пределы этого круга можно только путем изучения другого языка, «вхождения в иной круг», то есть через проникновение в систему мировосприятия, зафиксированную другим языком. В языковых национально-специфических формах происходит осмысление, переживание и оценка мира тем или иным этносом: «... язык является органом внутреннего бытия, даже самым этим бытием, насколько оно шаг за шагом достигает внутренней ясности и внешнего воплощения» [3, с. 47].

Логическим продолжением идей Гумбольдта про разные языки как различные способы видения мира и интерпретации его человеческими сообществами стала гипотеза лингвистической относительности Сепира – Уорфа, разработанная в 30-е годы минувшего столетия. В соответствии с ее постулатами логика мышления, специфика мировосприятия и характер познания действительности тем или иным этносом обуславливаются языком общения данного социума. Предложенная гипотеза декларировала абсолютный примат языка над категориями мышления и сознания: «Формирование идей не является независимым процессом, строго рациональным в привычном, традиционном понимании, а частью определенной грамматики. Мы расчленим природу по линиям, предложенным нашим родным языком, ... организуем ее в понятия и приписываем ей значения так, как мы это делаем, в значительной мере потому, что мы являемся участниками договора организовывать ее таким образом – договора, который предлагает нам наше языковое содружество и который формируется в систему по образцам нашего языка. Договор, естественно, неявный, «неоформленный», но его условия абсолютно обязательны» [4, с. 184 – 185].

Перекодирование единого для всех этносов мысленного кода на вербальный в рамках конкретного языка, «дискретизация информационного континуума» определенным языком «переплавляет» единую логико-понятийную базу человечества, отливая ее в этнически обусловленные семантические матрицы содержательной структуры языка. Таким образом, в национально-языковых картинах мира, с одной стороны, может выделяться общая часть, которая указывает на «общий понятийный базис» человечества, выступающий совместной основой естественного языка, мышления и культуры. С другой стороны, национально-специфические нюансы осмысления, ощущения и оценки реального мира, накладываясь на универсальную логико-понятийную основу, создают ту часть языковых картин мира, которая и несет в себе национальную специфику.

Каждый этнос сквозь присущие ему языковые и культурные формы определенным образом развивает и детализирует этот «общий понятийный базис человечества», тем самым определяя свое «национальное обличье». Исследователи, например, О.И. Голубовская, считают, что возникновение языковых национально-специфических форм детерминруется двумя основными факторами:

1) фрагментом реального мира, который влияет на коллективное сознание этноса (имеется в виду природная среда этнического коллектива и материальная культура артефактов, созданная народом);

2) особенностями коллективного этнического сознания, которые проявляются в неодинаковости логического оперирования одними и теми же реалиями внешнего мира, в разнообразии проявлений «наивного» обыденного сознания (прежде всего его эмоционально-оценочных, социально-ценностных, морально-этических компонентов) [5, с. 93].

Именно взаимодействие коллективного языкового сознания, реального мира и языка как способа репрезентации знаний о мире приводит к формированию

интересующего нас феномена – национально-языковой картины мира (национально-языковой модели мира). Следует подчеркнуть, что картина мира ни в коей мере не является стенограммой знаний о мире, она – «не зеркальное отображение мира и не открытое «окно» в мир, а именно картина, то есть интерпретация, акт миропонимания..., она зависит от призмы, через которую осуществляется мировидение» [5, с. 96].

Обобщая все имеющиеся подходы к определению данного понятия, исследователи выработали следующее рабочее определение: *национальная языковая картина мира* – это выраженное средствами определенного языка мироощущение и миропонимание этноса, вербализованная интерпретация языковым социумом окружающего мира и себя самого в этом мире. Необходимо подчеркнуть, что современная лингвистика требует более широкого осмысления понятия «языковая модель мира». По мнению австралийского лингвиста польского происхождения Г. Вежбицкой, национально-культурная специфика ментальности и характера этноса выявляется не только на лексико-семантическом, а и на морфологическом и синтаксическом уровнях (т.е. эта имплицитная составляющая пронизывает все структуру языка и все уровни его функционирования) [6, с. 96]. Эти взгляды разделяет и В.Н. Телия, считающая, что языковая картина мира создается не только с помощью средств конкретной лексики и опредмечивания процессуальных значений, но также с «использованием синтаксических конструкций, которые с первых этапов существования языка отображали отношения между элементами действительности...» [7, с. 178].

Таким образом возникает следующая гипотеза: субстанциально-идеальное пространство языка, будучи единым и непрерывным, моделирует специфические черты национального мировосприятия и национального типа мышления фактически на всех стратификационных уровнях языковой системы через посредничество как знаковых, так и дознаковых и супразнаковых, т.е. имплицитных языковых величин. Иными словами, можно предположить, что имплицитные компоненты представлены на всех уровнях национально-языковой картины мира, в самых различных языковых формах: от звукового и фонетического воплощения народных представлений о реальности через лексическую составляющую до морфологического и грамматического уровней. Следовательно, язык выступает не только в роли хранителя информации, накопленной языковым социумом на протяжении долгого исторического развития: с помощью языковых форм фиксируется способ мировидения этноса, взгляд на мир через «вуаль» национально-культурных представлений и образов, что делает национальный язык важнейшим этногенным фактором, по сути, основным средством «этнической социализации» индивидуума.

С позиций семиотики культуры наш язык представляет собой базовую, ядерную знаковую систему этнокультуры, над которой надстраиваются все остальные знаковые системы данной культуры как вспомогательные, вторичные моделирующие системы, по терминологии Ю. Лотмана. При таком понимании наш обыденный естественный язык – это метапрограмма, регламентирующая через разного рода предписания – заповеди, законы, афоризмы, пословицы, рекламу, пиар – человеческое поведение, т.е. поведенческие программы, которые функционируют в обществе в знаковом виде [5, с. 95]. При этом следует заметить, что далеко не всегда эти знаковые предписания являются «открытой» для субъекта-индивида, т.е. осознанной, осмысленной информацией. Очень часто, особенно на уровне заповедей и традиций, их настоящее содержание, реальная объективная причина (или причины) их формирования давным-давно забыты, и модель поведения сакрализована без осознания ее сущности (различные пищевые ограничения или гигиенические правила, нормы одежды и взаимоотношений между полами в разных религиях и культурах носят, как правило,

именно такой характер). Поэтому здесь за явным знаком, который вроде бы понимается социумом, на самом деле стоит неосознаваемая, имплицитная, забытая много поколений назад информация. Это тоже можно считать одним из проявлений имплицитных составляющих языка.

Примером могут послужить идиомы и метафоры, представляющие собой особый лингвистический феномен. В семантическом поле языка смыслы этих выражений как лингвокультурных кодов существенно отличаются от буквальных значений. Например, *вот тебе, бабушка, и Юрьев день* – невыполненные обещания или обман со стороны вышестоящих руководителей; *не хлебом единым* – разносторонность личности человека; *когда рак на горе свистнет* – неосуществимость планов; *хлеб да соль* – гостеприимство и т.д. Носитель языка употребляет эти выражения, не задумываясь об их реальном содержании, он стремится как можно точнее передать нужный ему смысл, оперируя при этом семантическими, а не знаковыми единицами. Это также позволяет считать данный фрагмент естественного языка его специфическим имплицитным компонентом.

Если говорить о внелогических формах отображения мира человеческим сознанием, соотносящихся с понятийным мышлением как целое со своей частью, включая аффективные аспекты разумной деятельности человека (эмоциональный, волевой, конкретно-чувственный), то сразу становится очевидным, что разные этносы «переживают» окружающую действительность по-разному, объективируя разнообразие своего восприятия, чувства и оценки в языковых формах тех этнических языков, носителями которых они являются: «индивидуальность создается не идеями, потому что нет ничего более лишнего индивидуальности, чем идея: индивидуальность создают эмоции, чувства, желания, стремления – все, что стимулирует нас к действию, все, из чего складываются независимые от разума темперамент и характер» [8, с. 22]. Не будет преувеличением сказать, что именно сфера экстралогического в восприятии действительности тем или иным этническим коллективом, сфера эмотивно-оценочной деятельности этнического сознания создают неповторимость и национальную уникальность языков мира.

С другой стороны, особенности концептуализации «речевого» мира языком проявляются даже в таких абстрактных семантических категориях, как модальность, каузация, оценочность, вторичное означивание в метафорической сфере языка. О.В. Падучева подчеркивает в предисловии к книге Г. Вежбицкой «Язык. Культура. Познание»: «... языки существенно отличаются степенью детальности разработки целиком абстрактных семантических полей – таких, как... агентивность, сфера эмоционального... Та или иная концептуализация внешнего мира заложена в языке и не всегда может быть выведена из отличий в «условиях ее существования» [6, с. 21]. Если факторы природной среды этноса и его материальной культуры оказываются нерелевантными для объяснения национально-специфического в языках, тогда «в игру» вступает фактор национального характера или – шире – национального менталитета, который является важнейшим компонентом коллективного этнического сознания.

Показательной с этой точки зрения является сенсорно-рецептивная концептуализация действительности и ее системно-языковые ипостаси (фонетико-морфологический и лексический языковые ярусы). Восприятие предполагает акт категоризации, который определенным образом «канонизирует» перцептивный опыт, задавая первичные параметры осмысления реалии: «... категоризация объекта при восприятии является основой для соответствующей организации действий, направленных на этот объект» [9, с. 18]. Казалось бы, единство биологической природы человечества должно было обусловить и одинаковость ощущения и восприятия, а также их дальнейшей лексикализации, у всех людей, независимо от расовой или национальной принадлежности. Однако анализ разноязыких звукоподражательных –

ономатопеичных слов убеждает нас в том, насколько чисто этнический характер имеет концептуализация того, что воспринимается слухом, в различных лингвокультурных ареалах.

Как известно, суть процесса звукоподражания заключается в расчленении неартикулированного природного комплекса звуков в дискретную фонемную «звукооболочку» для обозначения соответствующего звучания. В результате сравнительного анализа ономатопеичных слов в разных языках обнаруживается не столько подобие звукоподражательных сочетаний, сколько различия в их языковых воплощениях. Исследователи пришли к выводу, что слуховые впечатления, концептуализированные различными языками, отличаются тем больше, чем дальше находятся один от другого географически и культурно исследуемые языки. Отдаленные в культурно-языковом отношении этносы не только по-разному «слышат» голоса животных, но и проявляют определенную избирательность при их сенсорно-перцептивной концептуализации. Так, голос индюка проигнорирован в русском, украинском и китайском языках, но он получил сенсорно-языковую концептуализацию в английском; в русском и украинском языках нет звукоподражательных слов для обозначения голосов кузнечика, цикады и ласточки, тогда как в китайском они получили лексическое ономатопеичное выражение.

Причина этого явления, по мнению известного специалиста по проблемам восприятия Дж. Брунера, заключается не в особенностях получаемых перцептивных сигналов, а в своеобразии выводов, которые подсознательно делают носители разных культур на основе этих сигналов, поскольку в рамках разных культур сигналы усваиваются в соответствии с разными схемами и избирательностью восприятия. Это и порождает межкультурную специфику [9, с. 322 – 323]. Современными исследователями доказано, что у разных этносов существуют целостные доминанты восприятия, которые и обуславливают этническую специфику сенсорно-слуховой языковой концептуализации. Вопрос о происхождении и природе этих схем и доминант, о том, что именно детерминирует избирательность этнического восприятия как познавательного процесса, непосредственно связан с символической функцией языковой формы, с глубинной причинностью специфики корреляций акустического и смыслового планов языка. Впервые на проблему взаимосвязи звука и значения обратил внимание В. фон Гумбольдт, который считал «установление истинной связи звука и значения» важнейшей задачей языкознания, подчеркивая, что «... характер этой связи редко удастся описать достаточно полно, часто о ней можно лишь догадываться, а чаще всего мы не имеем о ней никакого представления» [10, с. 92]. К сожалению, лингвосемиотикой XX столетия на щит был поднят сосюрровский постулат о произвольном, условном характере языкового знака, о немотивированности связи означаемого означающим. Тем самым на периферию лингвистического внимания были вытеснены две простые истины, сформулированные гениальным ученым: 1. Создание звуковой формы принадлежит к первым шагам изобретения языка; 2. Звуковая форма является главной причиной языковых расхождений [10, с. 96 – 97]. Эти положения помогают в поисках ответа на вопрос, почему «дух народа» отобразился в «языковой плоти» именно так, а не иначе.

Среди факторов, детерминирующих онтологию национально-языковых картин мира, следует назвать фрагмент реального мира, данный этносу в непосредственно-чувственном восприятии, а также коллективное этническое сознание, сберегающее опыт предшествующих поколений и отображающее реальный мир в поступательном процессе познания. В поле непосредственных ощущений этноса, или, в терминах Б. Рассела, в поле его сенсibiliй попадала прежде всего природная среда этноса. Хрестоматийным в этом плане является пример Б. Уорфа о наличии разных слов для обозначения снега в эскимосском языке: падающий снег, тающий снег, принесенный

ветром снег, снег на земле, снег, затвердевший, подобно льду и т.д. [4, с. 174]. Позже, в процессе исторического развития и самоидентификации этноса таким фактором становится и материальная, рукотворная среда. По удачному выражению Г.Д. Гачева, национальный образ мира является «диктатом» национальной природы в культуре.

Мы хотим подчеркнуть, что это одна из фундаментальных составляющих бессознательных когнитивных структур, базового, предпосылочного, неосознаваемого «глубинного» слоя языка, предопределяющего все его последующее строение – и морфологическое, и лексическое, и семантическое.

Выводы. Проведенный анализа позволяет выделить два типа имплицитных характеристик языка. Во-первых, это собственно неосознаваемые, невербализованные и т.п. структурные элементы языка, в частности, то, что Гумбольдт назвал «глубинными структурами языка». Они неявно присутствуют в любом естественном языке, «из глубины» воздействуя на его формы – лексику, фонетику, фразеологию, грамматику и т.п., а главное, на семантическую составляющую языка (например, разделение на агглютативные, флективные и корнеизолирующие языки). Однако эти элементы влияют не только на структуру языка, но и на особенности его функционирования. Мы предполагаем, что имплицитные правила функционирования языка необходимо вычленив в отдельный подвид имплицитных составляющих, поскольку они являются не структурными элементами языка, а нормами по «пользованию» им.

Кроме того, важным методологическим инструментом в исследовании специфики национально-языковой картины мира должно стать гармоничное соединение методов лингвистической синхронии и диахронии, что даст возможность, с одной стороны, ответить на вопросы, связанные с происхождением тех или иных имплицитных характеристик языка, а, с другой стороны, сравнить актуально существующие естественные языки во всем многообразии их проявлений. Дальнейшее изучение национально-языковой картины мира позволит глубже подойти как к решению сугубо культурологических проблем (лингвокультурные коды и т.п.), так и к исследованию философско-антропологических вопросов в сфере культуры и национального самосознания.

ПЕРЕЧЕНЬ ССЫЛОК:

1. Гумилев Л. Этногенез и биосфера Земли. Текст / Л. Гумилев. – М.: Дидик, 1994. – 638 с.
2. Гадамер Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. Текст / Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
3. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. Текст / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с.
4. Уорф Б.Л. Лингвистика и логика. Текст / Б.Л. Уорф // Новое в лингвистике. – Вып. 1. – М.: Прогресс, 1960. – С. 173 – 198.
5. Голубовська О.І. Національно-мовна картина світу в її лексичній іпостасі. Текст / О.І. Голубовська // Мовні і концептуальні картини світу. – К.: «Прайм-М», 2002. – С. 92 – 98.
6. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. Текст / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
7. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира. Текст / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 173 – 204.
8. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Текст / Ш. Балли. – М.: Изд-во иностр. лит., 1961. – 394 с.
9. Брунер Дж. Психология познания. Текст / Дж. Брунер. – М.: Прогресс, 1977. – 415 с.
10. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 2000. – 456 с.